Михаил Кунец

О ТЕХ ДАЛЕКИХ ГОДАХ И ПЕРЕЖИТОМ

(ВОСПОМИНАНИЯ О КЛИНИКЕ И МУЗЕЕ ПРОФ. П.СТРАДЫНЯ,
1945–1960 гг.)

Об авторе этих воспоминаний

В городе Айнажи «доктора Мишу» знает любой житель, млад и стар, и найти его дом на улице Валдемара 77, можно без всякого адреса. К нему навешиваются пациенты не только из Латвии, но и из соседней Эстонии, и в этих краях он является действительно чем-то вроде старого земского врача.

Приятно встретиться с Мишей, побеседовать, посидеть за угощением (хотя бывают такие случаи очень, очень редки) – знаю его более 50 лет и он является для меня частичкой прошлого, моего детства и отрочества.

Драматично сложилась судьба паренька из Белоруссии, 1925 года рождения. Война занесла его в Латвию, а затем – изувеченного – в Ригу, в больницу П.Страдыня, в клинику и в Музей истории медицины, который тогда начал создаваться. Отец мой очень любил и ценил Мишу за его доброту, настойчивость, требовательность к себе и другим, оптимизм, улыбочивость, несмотря на невзгоды жизни. Он вырос в клинике на наших глазах, стал хорошим врачом–практиком. Когда-то он помогал отцу и в практических делах по созданию музея, какое-то время был сторожем коллекции (хотя в те времена люди были честнее, тем не менее, были и кражи экспонатов, и попытка поджога барака). Он был, по сути дела, одно время работником музея, хотя и «внештатным».

Полагаю, отец был бы рад успехам «доктора Миши» на поприще медицины, его семейству в Айнажах, которое держит в руках супруга Дайна. «Доктор Миша» понимает людей и старается помочь им не только вмешательством врача, но и добрым словом, советом. И полагаю, «доктор Миша» давно заслуживает гражданство Латвии своей беззаветной более чем 35-летней деятельностью сельского врача, во всяком случае местные пациенты это подтвердили бы.

Воспоминания эти начаты в конце 1994 года в Государственной клинической больнице, где «доктор Миша» тогда подлечивался сам, а завершены уже в 1997 году. Они непосредственны и непритязательны. Хотя в памяти сохранились еще более яркие эпизоды, тем не менее и рассказанное дает достаточно четкое представление о тех дальних годах и о том, что довелось пережить белорусскому юноше, пока он нашел в Латвии свою вторую родину. Интересны они и для истории медицины Латвии и «биографии» музея.

Я.Страдынь

После окончания Второй мировой войны мой путь на родину лежал через Латвию, так как я был прикомандирован в Пруссии для перегонки скота в Псковскую область. Это случилось в первых числах июня 1945 года недалеко от Резекне. Моей обязанностью во время перегонки скота было обеспечение коллектива хлебом, то есть, организовывать выпечку хлеба почти на колесах. Во время остановки я делал тесто из имевшейся закваски, находил дом, где была печь, и в течение вечера, иногда и ночи, хлеб был готов. Одна из последних выпечек происходила в 5 км от Аглоны на хуторе Новополе у Швабе. Во время этой процедуры мы с хозяином договорились, что я, отойдя немного, оставляю бригаду перегонщиков и вернусь к нему, мол, обождать лучшие времена, какого-то чуда, на которое в это время многие реально надеялись. Не доходя до Резекне, ранним утром я оставил бригаду и направился в сторону Аглоны. На хутор Новополе я пришел как раз 23 июня 1945 года. Думал, когда-то в лучшие времена отправлюсь в родную Белоруссию, деревню к подножью Беловежской пуши.

Проходя по Латгалии, я впервые оценил сердечность и гостеприимство ее жителей. Зайдя в любой дом во время завтрака, обеда или ужина тебя садят за стол, не спрашивая, кто ты такой, откуда и куда идешь. Отпразновав «лиго», я остался на хуторе, помогая хозяину по хозяйству. Прошло немного больше месяца, хорошо помню – это было 28 июля. Ранним утром хозяйка пришла в сарай, где я обычно спал по ночам, и сообщила, что в деревню прибыла часть НКВД по борьбе с лесными братьями, обыскивает все дома. Не будучи легальным жителем деревни и не имея никаких документов, которые остались у администрации чурок, я понял, что встреча с этими гостями мне ничего хорошего не сулит, и решил спрятаться в сене. Вскоре открывается дверь сарая, и один из чекистов, вероятно, командир, спрашивает хозяйку, которая доила корову: «*хозяйка, здесь кто-нибудь есть?*» – Хозяйка отвечает: «*Как видите, нет*». – «*А если будет?*» – «*Ищите!*»

Несколько шагов по сену – и нога солдата коснулась меня. Прозвучал приказ: «*Руки вверх!*» Выбираясь из-под сена, я зачем-то опустил руки. Тут же последовала автоматная очередь, которая в трех местах прострелила мне грудь и обе руки.

После сбора сведений, допроса меня и жителей хутора, медик части сделала мне перевязку, во время которой один из чекистов взял мою окровавленную майку, обратился к делающей перевязку со следующими словами: «*Маруся, возьми выстирай мне, она ему все равно не нужна будет*».

Помню, после ранения боли я не чувствовал, но появилась жажда, которую я никогда в жизни не испытывал. Затем командир чекистов велел хозяину вести меня в ближайшую больницу. Хозяин запряг лошадь и повез меня в больницу. Меня сильно мучала жажда, повязка с ран сползла, при дыхании из раны в груди выходил воздух. Чтобы воздух не выходил, я отверстие раны заткнул черным халатом, которым был накрыт, цвет и вид халата хорошо помню до сих пор. Время

нахождения в Прейльской больнице помню как кошмарный сон. Помню только, один санитар, приходя на работу, спрашивал: *«Еще его не увезли в Ригу, он здесь умрет»*.

И вот 6 августа утром мне сообщили, что сегодня прилетит самолет и меня увезут в Ригу, где меня обязательно вылечат. И действительно, через некоторое время я услышал гул самолета, вскоре пришли санитары с носилками и понесли меня к самолету. У траппа самолета был проведен митинг, на котором какой-то активист указал на заботу, которую власть проявляет о каждом человеке, и подверг проклятию тех, кто борется с этой властью.

После короткого перелета самолета, помню – это был кукурузник, приземлился в Рижском аэропорту. Отсюда меня привезли в Клиническую больницу и поместили в 1-ое отделение II клиники. Первый осмотр и первую беседу со мной провела студентка Велта Брамберга, ныне главный онколог Латвии. После помещения в палату первую перевязку мне сделал др. Э.Эзерьетис, ныне профессор. В первые дни моего пребывания в больнице я слышал, как, узнав, что меня привезли на самолете, соседи по палате высказывали мнение, что не стоило тратить бензин, так как этот больной все равно скоро умрет.

Первая встреча с профессором П.Страдынем произошла несколько дней спустя после моего поступления в клинику. Состояние мое было очень тяжелое, отсасывание жидкости из грудной клетки давало только кратковременное улучшение. К тому же состояние ухудшилось после переливания крови – было несовпадение резус-фактора, который тогда еще не был известен.

Хотя состояние было тяжелое, мучали боли и одышка, но я заметил, что все отделение, персонал и больные пришли в какое-то приятное состояние возбуждения и надежды. Тот же прилив надежды овладел и мною, когда я узнал, что ожидается обход профессора. И вот через некоторое время к моей койке подошел пожилой человек в белом халате, за ним следовала целая свита врачей по моложе. Выслушав от лечащего врача др. Эзерьетиса историю моей болезни, он внимательно осмотрел и выслушал, сказал спокойным ободряющим голосом: *«Ну, парнишка, здорово тебя поранили, но ничего – молодой, крепкий, выдержишь. Держись!»*

И действительно, после этих обнадеживающих слов стало как-то легче. 17 августа 1945 г мне сделали операцию – делал проф. П.Страдынь и др. А.Роен.

Операция проходила под местным наркозом. Начало операции не осталось у меня в памяти, но запомнился момент, когда грудная клетка была вскрыта и по телу потекло что-то теплое, и я мог первый раз после длительной борьбы за каждый глоток воздуха, вдохнуть полной грудью. Даже помню, как сейчас, стоящей у изголовья сестричке сказал: *«Сестра, я здоров, я могу дышать!»*

Проф. П.И.Страдынь с Михаилом Кунецом
(после 1946 г.)

Шло время, обход профессора был каждую неделю, и каждый раз после его прикосновения и ободряющих слов я получал заряд веры и надежды. Особенно мне запомнился один обход поздно вечером, это было уже во второй половине зимы. Профессор после осмотра что-то довольно долго говорил своим спутникам. Так как по латышски я понимал мало, потом спросил у соседей, о чем шла речь. Оказывается, профессор заботился не только, как меня поставить на ноги, но и как помочь устроить дальнейшую жизнь. Он рассказал, что в связи с тяжелым ранением полное выздоровление требует длительного времени и постоянного медицинского наблюдения. Потому после первого этапа лечения меня нужно устроить работать при клинике. Это меня, конечно, ободрило и, думаю, ускорило мое выздоровление.

И так, за меня очень серьезно взялся руководитель клиники профессор Павел Иванович Страдынь, который, собственно, меня и спас, а затем вывел в люди. Когда я впоследствии спрашивал профессора, сколько процентов надежды было на благополучный исход в моем случае, он сказал, что могло быть 15%. Тем не менее, в клинике меня «вытянули»

врачи и сестрички, а затем я стал «приемным сыном» клиники и «приемным сыном» Павла Ивановича, как меня и сейчас величают, так как долгие годы я жил в его больнице, в помещениях создаваемого им Музея истории медицины. Стал здесь работать санитаром, фельдшером, параллельно заканчивая и школу, и медицинское образование, а затем стал врачом и уже десятилетия работаю здесь, в городе рыбаков Айнажи, даже после выхода на пенсию в 1996 году.

В конце сентября 1946 года мое непосредственное лечение кончилось: раны зажили и меня выписали из хирургического отделения, я поехал в Латгалию на место, где меня ранили, за своими вещами. По возвращении в Ригу меня приняли в терапевтическое отделение той же больницы, так как мне не было где жить и нужно было оформлять документы, чтобы можно было начать работать, о чем профессор Страдынь упомянул еще год назад. Поступив в терапевтическое отделение, я сначала стал интересоваться, как начать давно прерванную учебу. Узнал в Рижском Комитете комсомола адрес вечерней школы – она оказалась совсем рядом с больницей, около Агенскалнского базара, по улице Зеллю 3.

В этот же день получил разрешение старшей медсестры отделения Илги Бисениеце. Вечером после пятилетнего перерыва я снова переступил порог школы. И вот в возрасте 21 года я захожу в учительскую 2-ой школы рабочей молодежи и высказываю свое желание продолжать учиться. «В каком классе?» – спрашивает меня один из учителей, оказавшийся директором. Я ответил, что в пятый. Не спрашивая ни фамилии, ни имени, берет меня за руку, как первоклассника, и ведет в класс в середине урока математики, а вел его преподаватель математики Альфред Францевич Шкленник.

Это был день, вернее вечер, когда я вновь сел за школьную парту. Начинается для меня новая жизнь, полная надежд в осуществлении моей мечты, которую я лелеял с тех пор, как после операции мог только мечтать, так как до операции мне приходилось мечтать только о глотке воздуха – было очень трудно дышать.

Хотя по-прежнему я находился в больнице, но по вечерам пять дней в неделю садился за школьную парту и старался наверстать упущенное, насколько это было в моих силах, так как перенесенное ранение еще давало о себе знать и часто, слушая объяснения учителя на уроках, глаза закрывались от усталости.

Получив на руки выписку из истории болезни и написав биографию, которая устраивала бы власть имущих, исправив некоторые моменты моего ранения, я днями и ночами обивал пороги учреждений, которые должны были легализовать мое положение, то есть выдать документ, без которого я не мог работать. После долгих скитаний – один начальник послал к другому, тот к третьему – в конце-концов мне выдали удостоверение личности, и я мог начать работать.

И вот 14 ноября 1946 г. я сменил пижаму больного на белый халат санитара, сбылась моя мечта и предсказания проф.Страдыня. Конечно,

я чувствовал себя очень счастливым. Я начал свою трудовую деятельность в рабочей семье хирургической клиники профессора Страдыня, которая меня выхаживала больше года. Работа мне нравилась, и я старался сделать все, чтобы по возможности лучше справиться со своими обязанностями. Жил я там же в помещениях хирургической клиники при отделении в малой комнатухе на двоих с другим санитаром.

Прошла зима 1946–1947 г., с работой я справлялся, в школе тоже все шло хорошо. Весной 1947г. произошло радостное событие в моей жизни, профессор Страдынь предоставил мне отдельную комнату при музее. Это был построенный немцами деревянный барак, в котором профессор создавал свой ставший впоследствии столь знаменитым Музей истории медицины. В бараке было комнат 30. Музей нуждался и в охране. Комнатка моя была крохотной, в ней помешалась только кушетка и маленький столик, над которым я прикрепил полку для книг. Для меня эта крохотная комнатка казалась роскошным жильем.

Еще сейчас хорошо помню, с каким энтузиазмом я скреб за многие годы накопившуюся там грязь, с каким восторгом я осматривал реликвии истории медицины, собранные в музее. Если была возможность, я присоединялся к группе экскурсантов и слушал рассказы профессора об отдельных экспонатах, а потом, когда экскурсия уходила и музей был пуст, ходил еще раз посмотреть на эти экспонаты. Помню, особенно сильное впечатление на меня оставили сделанные из гипса копии каменных глыб, на которых были написаны законы Хаммурапи, вавилонские тексты, относящиеся к медицине, и настоящая египетская мумия, также находившаяся некоторое время в музее. Позже по просьбе профессора я эту мумию возил в рентгеновский кабинет, ее фотографировали, чтобы получить сведения о ее состоянии и «внутренностях», которые можно было получить при помощи просвечивания рентгеновскими лучами.

К моменту, когда я поселился в музее, хотя его уже посещали многочисленные экскурсии, он находился в стадии развития. Интенсивно работали художники над картинами, оборудовали стенды для размещения экспонатов. Одним из постоянных работников музея был молодой художник Лео Кокле. Он писал огромное полотно на всю стену зала музея. В руках его была небольшая фотография, он мне говорил, что это репродукция картины или фрески, которая помещена над входом в медицинский факультет Сорбонского университета в Париже. На картине была отображена история развития медицины с самых древних времен и до наших дней, все ее видные деятели. Хорошо помню, что по середине этого Олимпа восседал Гиппократ, справа были древние медики, с левой – современные. Работали и другие художники, но от случая к случаю, Лео же был постоянным сотрудником. С ним мы познакомились поближе. Это был замечательный парень, полный юмора и оптимизма, несмотря на тяжелые времена. А времена были действительно тяжелые, часто мы делились и куском хлеба и ложкой рыбьего жира. Помню один день, когда он

пришел на работу очень удрученным. Я заметил это и спросил о причине этого. Он мне рассказал, что переживает за свой фотоаппарат, который должен заложить в ломбард, так как очень были нужны деньги и срок его выкупа приближается и он может его потерять. Я его спросил, какая сумма ему нужна. Оказалось всего 24 рубля. Это чуть меньше моей месячной зарплаты.

Пять раз в неделю после работы мне приходилось идти в школу, так как денег тратить не было времени и они у меня всегда были в запасе, я ему сказал, что с удовольствием его выручу. В работе по оборудованию музея временами принимали участие многие студенты с хирургическим уклоном – волонтеры и ассистенты клиник – др.Эзеретис, др.Роцен, др. Эрдманис, студенты Наташа – в будущем др. Н.Балыня, И.Пуриньш, в последствии нейрохирург, Р.Цеплите и многие другие. Я тоже не стоял в стороне и принимал участие во всех работах.

Помню один случай из наших переживаний. В ночь с 24 на 25 марта 1949 года была массовая депортация населения. Люди были в ужасе. Лео Кокле со своим другом-художником, имени которого я не помню, боялся возвращаться домой, остались ночевать в моей комнате. Мы поставили стулья вдоль кушетки, где поместили ноги и спали втроем поперек кушетки.

Живя в музее, я одновременно был и его сторожем, хотя это не было тяжело, так как в то время люди действительно были честные. Попытка поджога, связанная с пропажей спирта, была в 1946 году, а во время моего пребывания было два случая кражи. Первый – кража занавесок с окон, второй – исчез большой меч. (Во время экскурсий профессор рассказывал, что этот меч принадлежал последнему палачу города Риги.)

Большие заботы причиняли метеорологические явления, дождь, а весной тающий на крыше снег. Через несколько лет появились первые протоки в крыше, и со временем их становилось все больше. Очень часто приходилось переносить экспонаты в безопасное место. Были громоздкие экспонаты, одному не под силу, и тогда я звал на помощь студента-медика Болеслава Тярве, который жил рядом в общежитии. Последнее время для сбора протекающей воды с крыши приходилось использовать аптекарскую посуду из коллекции аптеки-музея фармации проф. Майзите, которая была передана нашему музею. Я ставил посуду по больше в места протекания, а потом собирал в ведро и выносил.

Музей часто вечерами посещал профессор. При встрече всегда осведомлялся о здоровье и успехах в учебе, не забывая осведомиться и о том, что я читаю. Как-то раз он спросил об этом, тогда я как раз читал «Цитадель» А.Кронина. Профессор рассказал мне, что он лично знаком с Крониным. Когда при посещении Лондонской больницы им.Виктории, он спросил упомянутых в романе профессоров, почему автор романа так нехотливо отзывался о них, они ответили – *«потому, что мы его "прогнали" из больницы»*.

Профессор особенно чутко старался свести дистанцию между собой и подчиненными до минимума. Помню случай – как-то поздно вечером, профессор долго работал в своем кабинете «комнате Пирогова», как обычно звали эту комнату. Она была рядом с моей обителью. Вдруг слышу, что профессор зовет меня. Я подхожу к кабинету и спрашиваю: «*Чем могу помочь?*» Как сейчас помню его слова: – «*Миша, принесите, пожалуйста, мне метлу, мне тут нужно подмести*». Застигнутый врасплох, я чуть было не исполнил его просьбу буквально, только в последний момент сделал, как следовало.

Иногда доводилось видеть также, как музей посещал знаменитый художник профессор Тиллбергс, с которым проф.П.Страдынь консультировался по вопросам оформления музея. Ученицей Тиллберга была дочь профессора Ирена, которая тоже работала для музея. Она была сокурсницей Лео в Академии художеств. Ее дипломной работой впоследствии было большое полотно «*Пирогов в Севастополе*». Профессор Страдынь позировал Пирогова, мне же довелось позировать раненого новобранца с перевязанной рукой. За это Академия художеств мне определила гонорар – 70 рублей. Я стыдился идти за этими деньгами, их принесла Ирена. Она слушала мои рассказы о моей судьбе во время войны и говорила: «*Прямо как в романе – от разносчика газет до миллионера.*»

Коллектив у нас в клинике был на редкость дружный, на редкость сплоченный. Не помню ни одной склоки или каких-либо недоразумений. Профессор при каждой встрече всегда спрашивал о моем здоровье, работе и успехах в школе, но особенно следил за моей учебой. Дневники подписывала старшая сестра отделения Ольга Скайсткалне, человек очень сердечный, но требовательный. Со стороны проф. Страдыня я ощущал особое внимание, и делал он это тонко, как бы мимоходом, очень деликатно, но так, чтобы я почувствовал себя действительно членом большого сплоченного коллектива хирургической клиники.

В конце лечения я как-то сказал кому-то из персонала, что если меня вылечат, я обязательно им спеку что-то очень вкусное, так как во время войны я в Кенигсберге работал пекарем. Вероятно, это стало известно профессору, так как через некоторое время профессор обращается ко мне с просьбой, чтобы приготовил кондитерские изделия для угощения моих же земляков, так профессор и сказал, ваших земляков – сотрудников Минского медицинского института, которые завтра посетят музей. Я, конечно, с большим удовольствием выполнил просьбу профессора, и на следующий день к 12 часам все было готово.

Когда я на больничной кухне, которая была рядом с музеем, заканчивал свою работу, ко мне подошла др.В.Розенбаха с указанием профессора, чтобы я немедленно шел в музей. Я был удивлен этим указанием, так как считал, что там все сделано и в моем присутствии никакой необходимости нет. Каково же было мое удивление, когда я, придя в зал, где был накрыт стол для гостей, увидел всех гостей за столом, налитые полные рюмки. Взяв в руку рюмку, профессор указал

на меня и произнес: «Будьте знакомы, ваш земляк, воспитанник нашей клиники и будущий доктор». Я был этим удивлен, так как я к этому времени учился только в шестом или седьмом классе.

Так же я был удивлен, когда однажды супруга профессора Нина Федоровна пригласила меня на завтрак, который обычно профессор устраивал для сотрудников клиник в дни своего рождения. Я, конечно, пообещал прийти, но хорошо понимал, что санитару не место за столом профессора. Однако профессор в следующее утро, заметив мое отсутствие за столом, посылает ассистента др. Яниса Эрманиса, чтобы разыскал меня. Конечно, после таких жестов особого внимания, я старался из всех сил оправдать доверие, помогал профессору и в его работах по музее.

Помню еще один случай, который ярко говорит, каким образом профессор сплачивал коллектив и какое отношение было между руководителем и подчиненными. Я находился в перевязочной, когда зашла в перевязочную др.Трендецкая, вернувшись с совещания врачей клиники, которые обычно проводились по четвергам. Войдя в перевязочную, она про себя засмеялась. Не видя причины ее смеха, я спросил ее об этом. Она мне рассказала, что профессор на утренней конференции говорил, что не надо обижаться, если подчиненный сделал замечание, что руководитель неправильно поступает, добавив при этом, что если ему, профессору, сделает замечание Миша, он тоже не обидится. Этот эпизод я привожу как пример того, что на конференции была непринужденная атмосфера и обсуждался вопрос не только успехов и неудач работы клиники за прошедшую неделю, но и взаимное отношение сотрудников клиники, рабочая атмосфера.

Шли годы. Днем я работал в отделении, работа мне нравилась, так как я старался вернуть людям то, что в течение многих месяцев от них получал сам. Меня интересовала медицина, я с легкостью запоминал названия медикаментов, их дозы и болезни, при каких они применяются. Сестры научили меня делать инъекции не только внутримышечные, но и внутривенные. Несколько лет спустя профессору Слайдиньшу, бывшему тогда ассистентом, профессор, как мне стало известно, поручил освоить сложный, тонкий метод внутриаrтериального введения медикаментов, описанный во французском журнале, что он с успехом и сделал. Помню, эти инъекции делались в основном больным с гангреной нижних конечностей. Слайдиньш научил и меня делать внутриаrтериальные инъекции. Этим методом лечения я с успехом пользуюсь и сейчас, и должен сказать, что эффект часто бывает не только положительным, но поразительным.

В 1949 г. клиника профессора Страдыня праздновала 20-летие. Помню большой торжественный вечер. В Музее истории медицины были накрыты столы, произносились торжественные поздравления других клиник, администрации больницы и других лечебных учреждений. На память фотографировались основатель клиники, ветераны. К моему удивлению, профессор изъявил желание сфотографироваться отдельно со мной, что и было сделано. Конечно, ошущая такое сердечное

отношение со стороны всего коллектива клиники, несмотря на мою скромную должность, я старался, как можно лучше выполнять свои обязанности, приобретать знание и навыки медицины, которые были мне доступны при выполнении моих обязанностей санитаря. Помню, что во время отпуска фельдшера я всегда выполнял его обязанности.

Через шесть лет я окончил среднюю школу и подал заявление в Рижский медицинский институт, но тут оказалось, что администрация больницы и партком были другого мнения обо мне и моих успехах. Им нужно было другое прилежание и другие заслуги. Учитывалось мое пребывание во время войны в Германии, особенно отказ вступить в партию. Для отказа сделать это я тактично использовал изречение вождя мирового пролетариата, что мол коммунистом может стать только тот, кто усвоил все знания, накопленные человечеством, а я, мол, осваиваю лишь программу средней школы, так что придется подождать. Несмотря на то, что экзамены я сдал, все же в приеме мне было отказано. Узнав об этом, проф.Страдынь написал письмо министру здравоохранения Латвии Адольфу Крауссу с просьбой содействовать в приеме:

«Глубокоуважаемый Адольф Андреевич!

Коллектив нашей клиники обращается к Вам со следующей просьбой. В 1945 году в нашу клинику поступил Кунец Михаил Максимович (из Брест-Литовской области) с тяжелым ранением грудной клетки и правой руки. Несмотря на тяжелое ранение нам удалось больного выхаживать, и он остался в живых. Поскольку родители больного погибли, мы устроили нашего Мишу санитаром в клинику. В течение последних 6 лет он не только выполняет весьма усердно все поручения по клинике, но успев в вечерние часы закончить десятилетку. Мечтой его жизни стало сделаться врачом. Он подал заявление в Медицинский институт, выдержал вступительные экзамены и был зачислен в дополнительный список. Все же встретились какие-то препоны (со стороны представителя м-ва? или больницы?) и Мише было отказано. Проф.Буртниеку как будто не возражает приему т.Кунца в И-т. Если имеется какая-то возможность устроить его в дополнительный список, то мы, все сотрудники хирургической клиники, были бы очень рады этому и были бы весьма Вам благодарны.

Искренне преданный П.Страдынь»

Помню, министр написал директору института Буртниеку с просьбой рассмотреть этот случай, и в случае возможности принять. Прочитав записку, Буртниеку сказал мне: «Я бы тебя принял охотнее чем трех других, но то, что написано пером, не вырубишь топором», а по латышски: «*Tie ķēmi tevi izķēmojuši*». Точный смысл этих слов я не понимаю и поныне, но ясно, что на мне была печать прокаженного в понимании верных слуг сталинского режима. И мне пришлось на время оставить мечту стать студентом. Такая же история повторилась и на следующий год. В 1953 году умер Сталин, и после этого 1 сентября 1954 года – я студент педиатрического факультета Мединститута.

Первые годы учебы были нелегкими, так как все предметы, кроме анатомии, были далеки от медицины. Но время шло, колоквиумы сменялись зачетами. Два года пролетели незаметно. Начиная с

третьего курса – занятия в клиниках – здесь атмосфера и обстановка, в которой я провел 8 лет. Все знакомое, все близкое. Если нужно на практических занятиях помочь сделать перевязку, сделать укол или наложить шину или гипс при травме – это мне не представляло никакой проблемы, все это уже многократно было проделано до поступления в институт.

На 4-ом курсе мне повезло. Практические занятия по терапии в нашей группе вел Захар Миронович Черфас. Это действительно был человек и врач с большой буквы. Он с таким увлечением рассказывал различные случаи из практики, особенно сердечно-сосудистых заболеваний, о роли сердечных гликозидов в кардиологии. После, во время врачебной практики, я очень часто вспоминал практические занятия и всегда убеждался в правильности его выводов.

Прошли годы, и вот после 4-ого курса первая практика, где можно было применить те знания и практические навыки, которые я приобрел за время 8-летней работы санитаром и 4-летней учебы. Практику мне довелось проходить в Алсунгской участковой больнице. Это было действительно прекрасное лето, многое можно было применить на практике из приобретенных знаний и навыков.

Но по-настоящему получить удовольствие и почувствовать себя довольно уверенно у постели больного мне довелось на практике после 5-го курса. На этот раз это было в Вилькенской участковой больнице. Главный врач больницы д-р. Земитис ушел в отпуск и оставил 25 коечную больницу на меня. Помню, какое это было прекрасное время. Я мог сам принимать, лечить и выписывать больных. Особое удовольствие я получил от лечения трех больных – двух с сердечно-сосудистой недостаточностью и одного больного с состоянием после сотрясения мозга с уже начавшимся нарушением психической деятельности.

Первый случай был на хуторе около озера Астерес, возле Лимбажи. При посещении больного ребенка ко мне подошла молодая женщина с просьбой переписать матери рецепт. Это был рецепт на изготовление порошка дигиталиса. Переписывая его, я дошел до указания применения лекарства, что мне показалось нерациональным, и я высказал желание посмотреть больную. Мы заехали на велосипеде на хутор, где и встретил больную. Дочь обратилась к матери и сообщила, что привела к ней врача. Старушка посмотрела на меня скептически, но добродушно и произнесла: *«А этот мальчишка что-то знает?»* На это я ответил: *«посмотрим, если знает – хорошо, если не знает – поищем другого, кто знает больше.»*

Заходя в комнату, я взглянув на старушку, на ее синие губы, отеки на ногах, одышку, которая мучила ее при каждом шаге, я решил развеять ее опасения – *«Что, бабушка, дышать трудно?»* Эти слова поразили старушку, на что она ответила, что предыдущий врач, заменявший участкового врача, спрашивал лишь ее, какое лекарство ей давал д-р.Земитис. После оказанной ей помощи назначил строфантин с зүфиллином. Как сейчас помню, она почувствовала облегчение.

Расставаясь со мной, она на прощание обняла меня и нежно поцеловала. Потом я ее поместил в стационар, и она была моим помощником при лечении больной с нервным заболеванием, так как охотно рассказывала о нашем с ней первом знакомстве и о своем быстром выздоровлении, что благотворно действовало на нее.

Второй случай был с женщиной средних лет, дояркой, которая поступила с сердечно-сосудистой недостаточностью, у нее была сильно увеличена печень. Она была уверена, что это рак, но прошупав печень, я ей ответил тут же, что это не рак, а рыба и она скоро исчезнет, уплывет в озеро, что, к счастью для нас обоих, и произошло после примерно недельного лечения.

Третий случай был с одним старичком, которого везли в Стренчи, в психиатрическую лечебницу, так как появились признаки нарушения психической деятельности. По пути в Стренчи сломалась машина, и его временно оставили в нашей больнице. Через несколько часов мне позвонила его жена и сообщила, что больной около 3-х недель назад при встрече с машиной упал с велосипеда. Несколько дней назад стал странно вести себя. Подобные явления мне были хорошо известны со времени моей работы санитаром. Каждое лето несколько палат клиники были заняты больными с сотрясением мозга. Чаше всего это были мотоциклисты. За лечением этих больных я наблюдал, да и в институте кое-чему научился. Об этом больном, наверно, забыли, и мы продолжали лечить его как умели. Проверая психическое состояние, возвращение памяти, я обычно спрашивал, как звать. Он долго отвечал что-то непонятное, но вот однажды на заданный вопрос он также ответил вопросом: *«Вы, взрослый человек, задаете такие глупые вопросы»* — и спокойно назвал все свои паспортные данные. Я помню, обратился к медсестре и сказал: *«Этот больной нас на прощание порадовал»*.

Кончалась моя первая самостоятельная практика. Остался последний, курс института, который, как и предыдущие, пролетел быстро. Наступил последний этап учебы — государственные экзамены, которые прошли без особых происшествий. И вот через 15 лет, как я первый раз на машине скорой помощи пересек ворота больницы, которая стала моим домом, а персонал больницы моей семьей, моей опорой, я оставлял это священное для меня место. Мне вспомнились стихи врача петрашевца Ахшарумова, посвященные больнице:

Приют страдающих, обиженных судьбою,
Куда скорбящие идут со всех сторон.
Убежище больных и телом и душою
Людей всех возрастов: детей, мужчин и жен.
Тебя ли не воспою, тобою вдохновленный,
Твоею грудью питомец я вскормленный.
О, незабвенное навеки, навсегда,
Обитель мирная науки и труда.

И действительно, в этих стихах, как нельзя лучше, высказаны мои чувства благодарности семье II хирургической клиники от санитарки до профессора за всю сердечную заботу, поддержки в тяжелые для меня

дни, когда шла борьба с ранением и его последствиями, которая длилась с августа 1945 года по сентябрь 1946 года.

Покидая этот благоуханный тихий островок, находящийся в тени старых лип, я вспомнил все прожитое и пережитое за эти 15 лет. Перешагнув я порог больницы в августе 1945 г., когда мне было 20 лет, образование – 4 класса, и как потом, уже на 4-ом курсе, я узнал от профессора, что мой прогноз выжить равнялся 15%. За эти 15 лет благодаря помощи и беззаветной поддержке семьи клиники я мог осуществить свою заветную мечту, мог исполнить завешание покойного отца, который умирая в 1936 г. (мне было тогда 11 лет) произнес последние слова: *«Будь честным, трудись, учись, старайся жить так, чтобы ты был полезным людям».*

Конечно, эти слова в 11 лет для деревенского парнишки, который до этого времени жил в деревне и пас коров, мало о чем говорили, о них я вспомнил уже в 14 лет, когда я попал в одну украинскую семью, где я увидел другое отношение к людям и к жизни. Но это было как раз накануне второй мировой войны. Но полностью я осознал эти слова отца лишь тогда, когда надел белый халат санитаря. И с этого времени я начал мечтать об осуществлении завешания покойного отца.

И вот, покидая такой дорогой для меня уголок, где немного прожито, но много пережито, с какой сердечной теплотой, с каким чувством благодарности я мгновенно вспомнил всех тех добрых, мало сказать, добрых – чудесных людей, которые с первого дня, когда я переступил порог больницы, до последнего, когда я покидал эту семью, направляясь на новое место работы, о которой мечтал и к которой готовился почти что с первых дней, когда после операции я смог нормально дышать и думать о будущем. Я горел нетерпением отдать людям хоть частичку того тепла, тех знаний и опыта, которые я приобрел за эти 15 лет, находясь среди этих прекрасных людей. Я дал себе обещание с первого и до последнего дня своей трудовой деятельности трудиться так, чтобы быть достойным семьи нашего хирургического отделения, которая делала все, чтобы наступил этот радостный для меня день 1 августа 1961 года.

Прошли 34 года. О данном себе обещании я всегда старался помнить. Помню и сейчас и надеюсь, что никому из сотрудников нашей клиники и в первую очередь покойному проф. П. Страдыню, никогда не придется разочароваться в возложенной на меня надежде.

RECOLLECTIONS ABOUT THE SURGICAL CLINIC AND MUSEUM OF PROFESSOR PAULS STRADIŅŠ IN 1945–1960 (SUMMARY)

By Mihails Kuņečs

Medical doctor M.Kuņečs (b. 1925) in a provincial town of Latvia – Ainaži reminisces about his stay in Prof. P.Stradiņš surgical clinics after his being wounded by Soviet soldiers (1945–46). The young Byelorussian, who had lost his relatives during World War II remained to work in the clinic and resided for many years in the wooden barrack of the museum of history of medicine. Thanks to Prof. P.Stradiņš he got education as a medical doctor and is regarded as a «step-son» of Prof. P.Stradiņš.

Mihails Kuņečs
Valdemāra iela 77
Ainaži LV-2160
Latvija